

ЭТОСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ТИПЫ ВЛАСТИ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Симптомы парадигмального кризиса «нормальной» политической науки

Современная политическая наука, как, впрочем, и все обществознание, сталкивается с серьезным вызовом. Этот вызов проявляется как во внутренних (интерналистских), концептуальных проблемах самой науки, так и во внешних (экстерналистских), социальных аспектах ее позиционирования.

Динамика развития и смены парадигм научного знания была довольно полно описана на материале естественных наук и математики. Согласно известной концепции Томаса Куна, доминирование конкретной парадигмы в науке ведет к формированию «нормальной» науки, когда научное исследование сводится к выстраиванию все более детальных описаний в рамках данной парадигмы. По мере выявления фактов, плохо вписывающихся в нормативный парадигмальный канон, фиксируются «патологии», формулируются специальные исключения — *ad hoc-объяснения* или *ad hoc-гипотезы*, а накопление критической массы таких *ad hoc* в теории, рано или поздно, ведет к кризису парадигмы и выходу к новым горизонтам рассмотрения¹.

Именно в такой ситуации, как представляется, и находится сложившаяся, довольно уважаемая политическая наука, сформировавшаяся на основе экономического маржинализма и связанной с ним экономической социологии. Политическая теория отстает от процессов и ситуаций в реальной политической жизни. Это не только ярко описанная Йеном Шапиро несостоятельность политологической прогностики². Политическая теория не только накапливает описание отдельных случаев — она очевидно полностью зависит от текущих событий, практик, технологий, пытаясь осмыслить их в своих «теоретических рамках», другими словами, осуществляя ретроспективные рационализации. Как итог — запаздывание и сервильность, превращающие политическую науку в лучшем случае в просветительскую, но скорее — в пропагандистскую деятельность. Использование количественных методов, прикладной эконометрики только усугубляет ситуацию. Точность, достигаемая в отдельных исследованиях, дает фрагментарную картину, превращаясь в самоцель в ущерб целостному обобщению. Появление все новых и новых «рецензируемых» журналов закрепляет складывающуюся ситуацию фрагментарности —

публикации в них становятся демонстрацией амбиций и клановости редакций, формируя полузакрытые, самодостаточные и воспроизводящиеся сообщества, принадлежность к которым определяется используемой терминологией и кругом цитируемых источников.

Отсюда и слабая востребованность традиционной политической аналитики, доходящая до фольклорно-иронического отношения к политологам как медийным персонажам в духе «пикейных жилетов» из известного романа Ильфа и Петрова. В политической же аналитике, востребованной центрами принятия решений (властные структуры, спецслужбы), это недоверие к традиционной политической теории компенсируется обращением к нестандартным методам анализа. Например, в США все больше внимания уделяется исследованиям по биополитике, довербальным методам манипулирования общественным сознанием, дающим не просто теоретическое, а конкретное технологическое знание.

Серьезные симптомы кризиса отмечаются и в самой маргиналистской экономической теории, на волне доминирования которой и сформировалась «нормальная» политическая наука. Работы Рональда Коуза, Дугласа Норта и других неoinституционалистов³ выявили системную зависимость экономики от социально-культурных и правовых факторов. Сама экономика начинает рассматриваться как феномен культуры (экономика как культура)⁴. В этой ситуации тем более ограниченными и даже опасными становятся последствия доминирования экономического подхода, например, при распространении норм и критериев развития рыночных отношений на образование и науку. Не менее очевидно это и в практике социального управления — ярким примером тому являются последние российские реформы в области науки и образования.

Необходимость расширения горизонта рассмотрения

Испытываемый вызов достаточно серьезен. А его игнорирование порождает довольно парадоксальную, если не трагикомическую ситуацию, например, в объяснениях и анализе современных российских трансформаций. Тема «современное политическое знание и Россия» вообще весьма неоднозначна и даже провокационна. В этой провокативной неоднозначности стоит отметить два момента.

Во-первых, звучавшие в последнее время респектабельные концепции, вроде таких как «демократический трансфер», «гибридные режимы», «постколониализм», не справляются с квалификацией и объяснением событий в российской политической жизни последних лет, а значит, сталкиваются и с проблемой их прогностики.

Более того, сама динамика российских политических трансформаций даже противоречит некоторым ключевым положениям этих концепций. Так, вопреки добротной и респектабельной теории челове-

ского развития Рональда Инглхарта (выработанной на основе почти сорокалетнего тщательного отслеживания динамики общественных ценностей в более чем 80 странах в рамках международной исследовательской программы *World Value Survey*), российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движется в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не ценностей свободной самореализации⁵. При этом наблюдается также возврат некоторых институтов советского времени (доминирование государства в экономике, роль спецслужб, государственный контроль над медийной сферой), что позволяет говорить об «институциональной колее», возрождении «русской политической системы» и т.д. И если в 1970 – 1990-х гг. динамика ценностного развития в СССР соответствовала цивилизационному мейнстриму, то сейчас она движется вспять.

В результате, с одной стороны, в объяснениях современных российских трансформаций, с точки зрения «нормальной» политической науки, Россия представляет собой «заповедник патологий». При этом с другой стороны, именно проблемы с адекватным ответом на концептуальный вызов порождают спекуляции относительно «особого русского пути», русской «цивилизационной альтернативы».

Это, в свою очередь, позволяет констатировать отсутствие в России полноценной политической науки, которую подменяют общие суждения и обзоры. И российским политологам следует учиться, прежде всего, у американских коллег, практикующих позитивные, эмпирические и сравнительные исследования⁶. Означает ли это, что освоение уважаемых методов и концепций излечит российское общество от политических «патологий»? Владимир Гельман делает вывод, что «политическая наука в России имеет шанс стать «нормальной наукой», но лишь при условии, если русская политика не утратит основные атрибуты политики в «нормальной стране». Иначе говоря, получается, что русская политическая наука станет нормальной только тогда, когда сама политическая реальность в России станет соответствовать канонам «нормальной» политической теории. Вывод, в чем-то трогательный, но он вполне соответствует исходной авторской установке.

В данной работе предпринимается попытка наметить некоторые перспективы выхода политической теории из кризисной ситуации за счет расширения горизонта анализа и языка осмысления. Расширение исторического лага осмысления общественно-политической динамики, показывающее исторические рамки возможностей маржиналистского подхода заслуживает специального анализа⁷. Здесь же речь пойдет о концептуальных возможностях расширения горизонта анализа, причем такого расширения, которое позволило бы не отбрасывать наработки в рамках маржиналистских концепций, а включить их в более широкий контекст, определив их возможности и пределы.

Такое расширение горизонта рассмотрения представляется полезным начинать с проблемы справедливости.

Справедливость: значение и виды

Дело в том, что справедливость, наряду с безопасностью, и отчасти свободой, одна из базовых ценностей социогенеза. Более того, в ценностном векторе динамики развития общества она играет ключевую роль, поскольку связана с выработкой норм (институциональных правил) — как формальных (правовых), так и неформальных, — формирующих конкретный социально-политический уклад конкретного социума.

Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, к продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Поэтому к базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится *безопасность*, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике обеспечения внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т.д.), что является очевидной и главной функцией государства. Хорошо известны и практики манипулирования, формирования образа внешнего или внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. Неслучайно, именно идея безопасности, противостояния врагу иногда даже кладется в основу понятия политического⁸.

При этом в любом социуме — в любой форме и на любом уровне — с самого момента его возникновения с неизбежностью появляются проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentimentа⁹. Разрешение этих проблем, так или иначе, но связано с реализацией другой базовой ценности социогенеза — *справедливости*. Именно реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй связан с возмож-

ностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни.

Традиционному обществу для реализации консолидации и социализации достаточно обеспечения безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве и делает ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность — *свобода*, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Таким образом, в общем случае ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода, причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации в направлении как безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической и экономической стабилизации, на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами упомянутого многолетнего международного исследования *World Values Survey*¹⁰. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...).

Роль справедливости, однако, связана с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов — как формальных, так и, особенно, неформальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным институтам относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (*background*) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфи-

ку. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут созревать до формальных институционализаций – организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм¹¹, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального. Политическая власть, государство – идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие «сплывающее»¹², личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно – состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия сплывающего недостаточно – необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты»¹³ между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего – правовая культура, задающая нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то формальные – гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (проявляющемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (проявляющемуся в тренде к свободе и правому обеспечению творчества, инициативы).

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность – справедливость – свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры – в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров¹⁴.

Эта модель, кстати, объясняет так называемый «парадокс России», отмеченный в исследовании *World Values Survey* как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не только по ценностной оси, а скорее в двумерном пространстве, задаваемом двумя осями – ценностной и нормативной.

Главное – фундаментальная, ключевая роль справедливости, выступающей динамичной «точкой сборки» ценностно-нормативного комплекса конкретного социума. «Справедливая» действенность «справедливо» выработанных норм обеспечивает доверие как между людьми, так и к социально-политическим институтам, а значит и легитимность власти.

Однако существует ли универсальная, единая трактовка (теория) справедливости?

Показательны в этом плане прошедшие в начале августа 2014 г. переговоры президентов Азербайджана и Армении. Они были инициированы Президентом РФ с целью нахождения возможностей примирения сторон, находящихся в затяжном конфликте с середины 1980-х гг. Каждая из сторон говорила о справедливости. Президент РФ – о необходимости мирного решения проблемы Карабаха. Президент Азербайджана – о решении проблемы на основе соблюдения четырех резолюций ООН. Президент Армении – о решении проблемы на основе исторической справедливости и сложившейся ситуации... Похоже, стороны говорили о разной справедливости. Легко представить себе аналогичную ситуацию в перспективе российско-украинского урегулирования вопроса о Крыме. Да и спор Японии с Россией относительно четырех островов Курильской гряды стоит в том же ряду. Каждая из сторон апеллирует к представлениям о справедливости. Но эти их представления расходятся радикально.

И это только на международном уровне. А какие конфликты разгораются в связи с различными представлениями о справедливости у разных групп населения: этнических, возрастных, классовых, групп влияния и т.д.!

Со времен Аристотеля сложились две основные трактовки справедливости:

- уравнительная: равенство всех членов социума перед некоторыми предустановленными условиями, прежде всего перед законом;
- распределительная: распределение различных благ в соответствии с заслугами, ролью и значением участников распределения перед конкретным социумом.

Уравнительная трактовка справедливости традиционно доминировала в либеральной политической философии, теории и практике.

Распределительная – в социалистической, социал-демократической и – наиболее явно – в коммунистической.

В 1960-х гг. Дж. Ролзом была предпринята попытка тщательной проработки уравнительной теории справедливости. Его «Теория справедливости»¹⁵ считается каноническим текстом современного либерализма. Фактически, речь в ней идет о модели расчета справедливого распределения ресурсов. Однако детальная проработка исходных правил, а также уточнения концепции в ответ на критику со стороны коммунитаризма, феминизма и других точек зрения¹⁶ в итоге существенно сблизили концепцию Дж. Ролза с распределительным пониманием справедливости, фактически, придав ей очевидное коммунитаристское и даже социал-демократическое содержание.

Поэтому, как представляется, современный политологический анализ, в котором до сих пор доминирует «нормальная» (в куновском смысле) политическая теория, восходящая к экономическому маржинализму, свои возможности в анализе справедливости исчерпал. Решение проблемы требует выработки несколько более широкого основания, которое позволит вывести проблему в более широкий горизонт, не отрицая сделанные важные наработки.

В этой связи достаточно перспективным выглядит подход, предложенный Л. Болтански и Л. Тевено еще в 1980-х¹⁷. Речь идет о концепции градов (социальных миров), в которых вырабатываются специфические нормы, важные для социальной консолидации, а также представления об оценке достоинств (заслуг, уважения, признания, авторитетности). Иначе говоря, особая привлекательность этого подхода связана со снятием противостояния распределительной и уравнительной трактовок справедливости, рассмотрением их как дополняющих и предполагающих друг друга в системном единстве. Однако единство это может быть различным по его сущности (качеству).

Сами Л. Болтански и Л. Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров (градов):

- мир вдохновения (le monde de l'inspiration);
- патриархальный мир (le monde domestique);
- мир репутации (le monde de l'opinion);
- гражданский мир (le monde critique);
- рыночный мир (le monde marchand);
- научно-технический мир (le monde industriel).

Термин «мир» выглядит более привычным, хотя определенный смысловой потенциал имеется и в термине «град» – он быстрее выводит в политический контекст, в проблему гражданства. Практически во всех европейских языках слово «гражданин» восходит к «горожанин»: буржуа, бюргер, мешанин...

Каждый такой мир (град) имеет различные представления о справедливости. Эти различия Л. Болтански и Л. Тевено связывают с параметрами соответствующего этоса:

- признания великим, высшим (*état de grand*);
- высший общий принцип;
- великое (высшее);
- достоинство;
- субъекты;
- объекты;
- формула инвестиции;
- протокол о величии;
- естественные отношения;
- формы гармонии;
- испытания;
- суждение;
- очевидность;
- падение.

Конкретизацию характеристик каждого из этих параметров по каждому этосу можно, ради наглядности, представить в виде таблицы (табл. 1):

Таблица 1. Характеристика параметров справедливости для каждого социального мира (града)

<i>Миры / Параметры</i>	<i>Мир вдохновения</i>	<i>Патриархальный мир</i>	<i>Мир репутации</i>	<i>Гражданский мир</i>	<i>Рыночный мир</i>	<i>Научно-технический мир</i>
Высший общий принцип	Вдохновение (духовное)	Род, иерархия, традиция	Мнение других, публика	Коллектив, все, общая воля	Конкуренция, соревнование	Эффективность, результативность, будущее
Великое (высшее)	Странное, необычное, чудесное, невыразимое, спонтанное, волнующее, страстное, бессознательное	Благожелательность, воспитанность, сдержанность, преданность, откровенность, умение хранить секреты, откровенность	Известность, прославленность, видность, заметность, успешность	Нормативный, законный, уставной, уполномоченный	Желаемый, пользующийся спросом, цена, продаваемость, прибыль	Эффективный, надежный, функциональный
Достоинство	Творческое волнение: любовь, страсть, творчество	Непринужденность, здравый смысл, привычка, обыченность	Стремление к признанию, уважению	Гражданские права, участие	Интерес, спрос, любовь к вещам	Работа, сила, энергия

<i>Субъекты</i>	Дух, чудовище, волшебство, ребенок, женщина, безумец, артист, художник	Вышестоящие (отец, король, шеф, семья), простые (я, холостяк, ребенок, домашние животные, подчиненные), другие (окружение, соседи, третьи лица, иностранцы)	Знаменитости, лидеры, их поклонники, представители, журналисты	Органы управления, предствительства, членство в партиях, общественных организациях	Производитель, клиенты, конкуренты	Эксперты, специалисты
<i>Объекты</i>	Дух, тело, грезы, сон наяву	Статус, титул, приличия, манеры, подарки, знаки отличия	Имена, марки, реклама, PR, медиа	Права, законы, суды, заявления, нарушения прав, программы, лозунги	Богатство, роскошь	Цели, средства, методы, задачи, планы, программы, причины
<i>Формула инвестиции</i>	Сомнение, бегство от привычек	Самоотречение, долг, обязанности	Открытость, отказ от секретности	Отказ от частного, солидарность, борьба	Свобода, открытость, динамичность	Прогресс, развитие
<i>Протокол о величии</i>	Универсальная ценность уникального: гений, независимость	Уважение и ответственность, авторитет, честь, стыд, позор	Известность и узнаваемость, признание	Делегирование, вступление представительство	Обладание, собственность	Владеть знанием, умением
<i>Естественные отношения</i>	Творить, открывать, мечтать, воображать	Порождать, воспитывать, приглашать, получать, благодарить, уважать	Влиять, убеждать, привлекать, продвигать, говорить, запустить	Сплотить, мобилизовать, присоединиться, призвать, обсудить, уполномочить, обратиться в суд	Интересовать, покупать, продавать, торговаться, соперничать, договариваться, извлекать выгоду	Реализовывать, выявлять, учитывать, определять, измерять, решать, использовать, предвидеть, внедрять, оптимизировать

Продолжение табл. 1

Формы гармонии	Вымысел, фантазия	Дом, семья, обычаи, приличия	Публичный имидж, целевая аудитория, позиционирование	Республика, демократия, представительские институты	Рынок	Организация, система
Испытания	Искания, духовный поиск, переживаемый опыт, приключения	Награждение, назначение, праздники (рождение, свадьба, кончина)	Специальные события, церемонии, презентации	Выступление ради справедливого дела, собрание, демонстрация, спор, судебное разбирательство	Сделки	Проверка, тест, внедрение, реализация
Суждение	Озарение, аура, случай, удача, шедевр, переворот представлений	Доверять, ценить, упрекать, докладывать, информировать	Слухи, мода, рейтинг, резонанс, отклик	Голосование, выборы, мобилизация	Цена, стоимость	Правильный, эффективный, действующий
Очевидность	Интуиция, символы, мифы, аналогия, образы, знаки	Типичная история, пример	Известность, очевидность успеха	Текст закона, юридические нормы, устав, положение	Деньги, прибыль, результат	Измерение
Падение	Привычка, повторы, приземленность, доминирование внешних факторов	Небрежность, ошибки, нескромность, завистливость, измена	Непризнанность, банальность, испорченная репутация, померкшая слава, забытость	Разобращение, остаться в меньшинстве, индивидуализм, незаконность, лишение полномочий	Невос требованность, преклонение перед деньгами	Отношение к людям как к вещам

Данная систематизация уязвима для критики. Несомненно, возможны уточнения конкретизаций (операционализаций) параметров представлений о справедливости. Кроме того, бросается в глаза, что

религия и искусство попали в один кластер, где главными критериями оказались вдохновение и фантазия. При этом научный этос сведен к индустриальной прагматике, что связано либо с отождествлением рациональности и эффективности, либо также с признанием полной ориентации современной науки не столько на бескорыстные поиски истины, сколько на решение практических проблем производства, политики, управления. Но при этом улавливается главное — существенные различия разных этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан со сформировавшимися в современной цивилизации кластерами деятельности и связанными с ними рынками труда.

«Грады» Болтански — Тевено и типы власти А. Кожева

Бросается в глаза параллель между типами социальных миров (градов) Болтански — Тевено и типами власти, выделенными в свое время А. Кожевом¹⁸, согласно которому, в истории политической философии можно выделить четыре теории власти, связанные с определенными типами политического авторитета.

- Теологическая (теократическая) концепция, в которой легитимность обеспечивается божественным (мифологическим) происхождением власти.
- Концепция Платона, в которой власть опирается на справедливость, а всякая иная держится насилием, т.е., в конечном счете — не легитимна.
- Концепция Аристотеля (близкая трактовке власти Конфуцием), согласно которой власть обосновывается мудростью, способностью к предвидению.
- Концепция Гегеля (по мнению А. Кожева — наиболее разработанная), в которой власть понимается как отношение между Господином (победителем, готовым рисковать жизнью ради власти) и Рабом (побежденным, предпочитающим смерти подчинение Господину).

Указанные концепции власти и типы авторитета А. Кожев связал соответственно с образами Отца, Судьи, Вождя и Господина и в 1942 г. предложил на этой основе, пожалуй, наиболее детальную систематизацию видов власти, причем систематизацию, глубоко философски фундированную. Исходя из внеприродного, социального и исторического характера любой власти, А. Кожев выдвинул положение о необходимости связи феноменологии власти с фундаментальной структурой бытия. В силу того, что власть не просто эволюционирует (как явления природы), но при этом исторична, в качестве метафизической основы власти может рассматриваться время (табл. 2):

Таблица 2. Власть и время по А. Кожеву

<i>Время</i>	<i>Основания власти</i>	<i>Тип власти</i>
Прошлое	Священные традиции	Отца
Будущее	Цели, идеология	Вождя
Настоящее	Господство и эксплуатация	Господина
Вечное	Абстрактные критерии	Судьи

Кроме того, такую типологию можно связать с общими представлениями о бытии, сущем и соответствующими универсалиями (табл. 3):

Таблица 3. Власть и универсалии бытия

<i>Представления о сущем</i>	<i>Универсалии</i>	<i>Тип власти</i>
Целое мира	Причина	Отца
Единое множественности	Справедливость	Судьи
Первозданная творящая воля	Предвидение	Вождя
Противоречия, противоборства	Риск	Господина

Таблица 4. Чистые типы власти по А. Кожеву

<i>Тип власти</i>	<i>Фактор легитимности</i>	<i>Основные разработки</i>
Отца (родителей, старших, традиций, мертвых, творца)	Причина, порождение	Теология, миф
Господина (победителя, хозяина, офицера)	Риск	Гегель
Вождя (учителя, ученого)	Предвидение, идея, программа	Аристотель
Судьи (арбитр, исповедник, честный человек)	Справедливость	Платон

Таким образом, А. Кожевом была обоснована систематизация, включающая 64 возможных типа власти, в том числе:

4 чистых типа: Отца (О) – власть родителей, старших, традиции, мертвых (завещание), творца над творением; Судьи (С) – власть арбитра, исповедника, эксперта, честного человека; Вождя (В) – власть учителя, идеи, программы; Господина (Г) – власть победителя, офицера...

12 комбинаций двух чистых типов (первым указывается доминирующий тип): ОВ, ОГ, ОС; ВО, ВГ, ВС; ГО, ГВ, ГС; СО, СВ, СГ;

24 комбинации трех типов: ОВГ, ОГС, ОВС, ОГВ, ОСГ, ОСВ; ВГС, ВСГ, ВОГ, ВОС, ВГО, ВСО; ГОС, ГВС, ГОВ, ГСО, ГСВ, ГВО; СОГ, СОВ, СВГ, СГО, СВО, СГВ.

И 48 комбинаций четырех типов, получаемых аналогичным образом.

Систематизация А. Кожева выглядит комбинаторной, как некая «алгебра власти». Однако она позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем типа властных отношений.

В объяснении традиционных типов власти такой типологии оказывается достаточно. Однако современное информационное общество выдвинуло еще один тип авторитета, основанный на паблицитном капитале (*publicity* – известность и узнаваемость). Лица и группы, претендующие на власть в современном обществе, должны быть достачно известными, легко распознаваемыми медийными персонажами. Недаром популярные артисты, спортсмены, шоумены в наши дни столь массово вышли на политическую арену. Более того, в информационном обществе с его широким доступом к огромным массивам информации, с его интенсивностью коммуникации, традиционные типы авторитета испытывают серьезные репутационные риски, достаточно легко и быстро дискредитируются. В какой-то степени известность и узнаваемость были и остаются фактором, дополнительно подкрепляющим авторитет. Однако в современном информационном обществе этот вспомогательный фактор начинает теснить традиционные типы авторитета. И концепция Л. Болтански и Л. Тевено, вводящая отдельный социальный нормативный «град» репутации, роль этого фактора учитывает.

А. Кожев обосновывает каждый тип власти фундаментальными мировоззренческими представлениями о бытии. Концепция Л. Болтански и Д. Тевено базируется на характеристиках представлений о справедливом социуме. И обе эти модели удачно дополняют друг друга. Получается следующие соответствие моделей А. Кожева и Л. Болтански с Л. Тевено:

– Власть Отца связана с ценностно-нормативным комплексом Патриархального мира.

– Власть Господина вырастает из патриархальности в этосе иерархии силы, но в современном социуме это не просто сила физического подавления, но и сила экономических ресурсов, т.е. современная власть Господина воплощается в корпоративности государства¹⁹.

– Власть Вождя опирается на мир Вдохновения и Репутации.

– Власть Судьи опирается на этос Гражданского мира.

Несомненно, такое сопоставление типов этосов и власти нуждается в большем уточнении и систематизации: как типов этосов справедливости, так и соответствующих им типов власти, конфигураций типов

власти, включая доминирование одного из них. Но уже из проведенного сопоставления очевидно, что современный социум представляет собой систему различных этосов со своими критериями оценки и ресурсами влияния, в том числе — на формирование власти.

Тогда можно говорить о различных типах конфликтов — в зависимости от того, нормы каких градусов приходят в столкновение, о конкретном рассмотрении возможностей и технологий их разрешения! А учитывая предложенную А. Кожевым «алгебру» власти, после ее уточнения и операционализации, мы получаем нетривиальный аппарат анализа современной политической реальности, включая компаративистику и возможности количественных методов.

Главное — такой подход расширяет горизонт анализа, выходя за пределы маргиналистской экономической социологии, рассматривающей политические отношения исключительно в рамках этоса рыночных отношений и соответствующего типа властных отношений.

Таким образом, на основе разработок А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация справедливости возможны только на основе убедительной презентации различных представлений о справедливости (как минимум основных пяти), критики и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений — в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

Намечая контуры такого анализа, можно сказать, что в социуме с развитой рыночной экономикой, стабильной правовой системой, гарантирующей права собственников, доминирующим является рыночный этос, формирующий нравственные предпосылки формирования преимущественно политического режима в духе власти Судьбы. Другие этосы и проявления властных отношений (в науке, армии, искусстве) будут встроены в этос рынка и правовые рамки его реализации и обеспечения. Возможности такого выстраивания формата социума демонстрируют, например, США.

Даже если допустить в духе концепции «человеческого развития», сформулированной Р. Инглхартом на основе упоминавшегося исследования *World value survey*, что формат либеральной демократии является общим ориентиром, задающим направление тренда исторического развития современной цивилизации, нельзя не признать, что такой путь у каждого общества может быть специфическим в силу особенностей исторического развития каждого общества, сложившихся ценностей

и институтов. Как показывает исторический опыт, ценности и нормы способны к изменению, но не вопреки этим ценностям и нормам, а с их учетом или даже с опорой на них. Именно таким был путь модернизации Японии, Республики Корея, Сингапура, нынешнего Китая, причем при очевидном прогрессе в этих обществах рыночного этоса, в них все еще заметно и определяющее (правда уже в различной степени) влияние патриархального этоса (власти Отца).

Однако в кризисных и чрезвычайных ситуациях, даже в обществах с либеральным демократическим политическим режимом этос и властные отношения объективно смещаются в сторону безопасности и соответствующих этосов и властных форматов в направлении власти Отца или Господина.

И во всем современном мире информационного общества нельзя не отметить нарастание репутационного этоса, а также все большую активность этоса вдохновения, носителем которого является «креативный класс». Этот этос проникает в экономическую сферу, а творческая интеллигенция все глубже проникает и в политическую жизнь не только в форме политических шоу, но и когда представители «креативного класса» занимают ключевые позиции в политических структурах (А. Шварценеггер как губернатор крупнейшего американского штата, Э. Гнарр как успешный мэр Рейкьявика и т.п.).

Как бы то ни было, но предлагаемый подход делает политический анализ более многомерным и конкретным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.

² См.: Шапиро Й. Бегство гуманитарных наук от реальности. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

³ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. – М.: Ин-т Гайдара, 2011.

⁴ См.: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002; Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2004; Hofstede G. Culture's Consequences. – L.: SAGE Publications, 2001; McCloskey D. Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World. – Chicago: University of Chicago Press, 2010.

⁵ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011.

⁶ См.: Гельман В.Я. Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант – наука. 2014. № 6 (150). С. 7.

⁷ Например, см.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. – М.: НЛЮ, 2011; Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013. – СПб.: Норма, 2014. С. 145 – 149.

⁸ См.: Шмитт К. Государство и политическая форма. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

⁹ См.: Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. – М., 2010.

¹⁰ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия.

¹¹ См.: Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту // Политические институты в современном мире. – СПб.: Аллегро, 2010. С. 358 – 360.

¹² См.: Рикёр П. Путь признания. – М.: РОССПЭН, 2010; Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. – М.: Аспект-Пресс, 2011.

¹³ См. там же.

¹⁴ См.: Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Философские науки. 2013. № 1. С. 24 – 38.

¹⁵ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995.

¹⁶ См.: Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010; Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. – Великий Новгород: НГУ, 2004.

¹⁷ См.: Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. – М.: НЛЮ, 2013.

¹⁸ См.: Кожев А. Понятие власти. – М.: Праксис, 2007.

¹⁹ См.: Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

REFERENCES

Boltanski L., Chiapello E. *Novyj dukh kapitalizma* [The new spirit of capitalism]. Moscow, Novoe literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2011 (Trad. in Russ.).

Boltanski L., Thévenot L. *Criticism and a substantiation of justice. Essays in sociology grandness*. Moscow, Novoe literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2013 (Trad. in Russ.).

Crouch C. *Post-democracy*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010 (Trad. in Russ.).

Fukuyama F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. Moscow, AST, 2004 (Trad. in Russ.).

Gel'man V.J. Science without research: Is there a way out of the impasse? *Troitskij variant – nauka*. [Troitsky variant – science]. 2014. No. 6 (150) (in Russ.).

Hofstede G. *Culture's Consequences*. London, SAGE Publications, 2001.

Inglehart R., Welzel Ch. *Modernizatsija, kul'turnyje izmenenija i demokratija. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija* [Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo [New publ.], 2011 (Trad. in Russ.).

Kashnikov B.N. *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika* [Liberal theories of justice and political practice]. Velikij Novgorod, Novgorod State Univ. Publ., 2004 (in Russ.).

Kojeve A. *Ponjatie vlasti* [The concept of power]. Moscow, Praxis, 2007 (Trad. in Russ.).

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvujut obchshestvennomu progressu [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. L. Harrison, S. Huntington (eds.) Moscow, Moscow school of political researches, 2002 (Trad. in Russ.).

Kymlicka W. *Sovremennaja politicheskaja filosofija. Vvedenie* [Contemporary political philosophy. An Introduction]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010 (Trad. in Russ.).

Kuhn T. *Struktura nauchnykh revoljutsij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST, 2003 (Trad. in Russ.).

McCloskey D. *Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 2010.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Nasilie i sotsial'nye porjadki. Kontseptual'nye ramki dlja interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. Moscow, Institute of A. Gajdar, 2011 (Trad. in Russ.).

Rawls J. *Teorija spravedlivosti* [A theory of justice]. Novosibirsk, Novosibirsk State Univ. Publ., 1995 (Trad. in Russ.).

Ricœur P. Put' priznanija [The path of recognition]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2010 (Trad. in Russ.).

Shapiro I. Begstvo gumanitarnykh nauk ot realnosti [The flight from reality in the human sciences]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2011.

Schmitt C. Gosudarstvo i politicheskaja forma [State and the political form]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010 (Trad. in Russ.).

Schoeck H. Zavist'. Teorija sotsial'nogo povedenija [Envy. A theory of social behaviour]. Moscow, IRISEN, 2010 (Trad. in Russ.).

Tulchinskii G.L. Politicheskaja kultura na osjakh tsennostno-normativnoj modeli sotsiogeneza [Political culture on the axes of value-normative model sociogenesis]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2013. No 1, pp. 24 – 38.

Tulchinskii G.L. Revoljutsija menedzerov po-sovetski [The Managerial Revolution in a Soviet way]. *Publichnaja politika-2013* [Public Policy 2013]. Saint Peterburg, Norma, 2014, pp. 145 – 149.

Tulchinskii G.L. Etapy politicheskoi institutsionalizatsii: ot idei k institutu [Stages of political institutionalization: from the idea to the institution]. *Politicheskie instituty v sovremennom mire* [Political institutions in the contemporary world]. Saint Peterburg, Allegro, 2010, pp. 358 – 360.

Veselov Yu.V. *Doverie i spravedlivost. Moralnye osnovanija sovremennogo ekonomicheskogo obshchestva* [Trust and justice. The moral foundations of modern economic society]. Moscow, Aspekt-Press, 2011.

Аннотация

Работа опирается на ряд разработок автора, а также А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено. Справедливость предстает как конкретная гармонизация представлений конкретных социальных групп конкретного общества – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости.

Ключевые слова: нормы, политическая наука, справедливость, ценности, этос.

Summary

This paper is based on a number of works of the author, as well as of A. Kozhev, L. Boltanski and L. Thévenot. Justice presents specific idea for harmonization of the specific interests of the concrete social groups of the concrete socium – depending on the characteristics of the historical development and the balance of power in this socium. Identification of such disposition is the main task of political analysis of justice.

Keywords: ethos, justice, norms, political science, values.